

Ekaterina Sergeevna Pantileyenko

FORMING OF CATEGORIES SEX/GENDER

Annotation: In the article is examined dichotomy of sex/gender categories, and similarly influence representatives' ideologies of lesbian feminism on their forming in society and culture, coincidence of appearance of term gender with important etymologic revolution in the West, marking postclassical science, transition from scientific to the literary paradigms (transfer of accent from reason to the value) and discussions all reality constructs or is constructed.

Keywords: sex, gender, policy of placing, connection, submission, culture, intercommunication.

Екатерина Сергеевна Панталеенко

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ ПОЛ/ГЕНДЕР

Аннотация: В статье рассматриваются дихотомия категорий пол/гендер, а так же влияние идеологий представительниц лесбийского феминизма на их формирование в обществе и культуре, совпадение появления термина гендер с важным этимологическим переворотом на Западе, ознаменовавшим постнеклассическую науку, переход от научных к литературным парадигмам (перенос акцента с причины на значение) и споры, что вся реальность конструирует или конструируется.

Ключевые слова: пол, гендер, политика размещения, связь, подчинение, культура, взаимосвязь.

Катерина Сергіївна Пантілеєнко

ФОРМУВАННЯ КАТЕГОРІЙ ПОЛ/ГЕНДЕР

Анотація: У статті розглядаються дихотомія категорій стать/гендер, а також вплив ідеологій представниць лесбійського фемінізму на їх формування в суспільстві і культурі, збіг появи терміну гендер з важливим етимологічним переворотом на Заході, що ознаменував постнекласичну науку, перехід від наукових до літературних парадигм (перенесення акценту з причини назначення) і спори, що вся реальність конструює або конструюється.

Ключові слова: стать, гендер, політика розміщення, зв'язок, підпорядкування, кудьтура, взаємозв'язок.

*Пантілеєнко Е.С., преподаватель,
Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта*

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ ПОЛ/ГЕНДЕР

Как известно, к 80-м годам дихотомия пол/гендер постепенно теряла свою первоначальную привлекательность. Известные исследовательницы Адриена Рич, Моник Виттиг, Гейл Рабин трактуют гендер как идеологическую систему, поддерживающую принудительную гетеросексуальность. Этому во многом поспособствовало знаменитое эссе Гейл Рабин «Обмен женщинами» (1975). Применив идеи Маркса и Фрейда в толковании французского психоанализа и структурализма, выпускница Мичиганского университета Г. Рабин предлагает концепцию поло-гендерной системы, трансформирующей биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности. Деление общества на мужчин и женщин служит, прежде всего, экономическим потребностям традиционного общества в концентрации материальной и символической власти в руках старших мужчин. Этому служат гетеросексуальные отношения, закреплённые браком. Используя идеи Леви-Стросса о структурах родства, Гейл Рабин показала, что инструментом соблюдения экзогамии и мира между племенами в патрилинейном обществе является обмен женщинами. Из того, что женщины имеют покупательную стоимость и их можно использовать в торговле между мужчинами, и возник социальный порядок, который мы имеем по сей день. По сути, это мужской гомосоциальный контракт, конструирующий два пола как различные, неравные и при этом комплементарные. Это система власти, направленная на концентрацию материального и символического капитала в руках отцов, то есть старших мужчин, для контроля над молодыми мужчинами и женщинами. Семья является местом власти, охраняющей благосостояние мужчин, а гетеросексуальность есть институт, поддерживающий систему неравенства женщин [1].

Известная писательница Адриенна Рич, основываясь на идеях Г. Рабин, вводит в дебаты о гендере понятие «принудительная гетеросексуальность». Она видит более сильную связь между положением женщин и структурами семьи, материнства как института и нормативным принуждением к единой модели сексуального поведения – то есть с репродуктивной гетеросексуальностью.

Через понятие «политика размещения» Рич выражает важность помещения кого-либо в специфическую ситуацию чьей-либо социальной, этнической, классовой, экономической и сексуальной реальности. Гендер, таким образом, становится комплексной сетью властных отношений, в противовес бинарной модели угнетения, предложенной в более ранних версиях.

Категория пола считается политической категорией, которая утверждает, что общество является гетеросексуальным, продолжает эту идею французка М. Виттиг. Она не делает различия между полом и гендером. Есть по сути один пол, женский. Быть мужчиной не значит «иметь пол», «иметь пол» есть всегда путь становления частичного и относительного, а мужчины в этой системе учувствуют в форме универсальной личности. Виттиг понимает «пол» как созданный дискурсивно и циркулируемый системой обозначений, угнетающих женщин, геев и лесбиянок. В результате она формулирует политическую задачу – перевернуть целиком дискурс о поле, то есть перевернуть сами правила, устанавливающие «гендер» - или «фиктивный пол» - как сущностный атрибут людей и подобных им предметов. Женщины образуют угнетаемый класс, который может быть уничтожен, и в этом смысл феминизма.

Как считает философ, женщина существует только как понятие, которое стабилизирует и объединяет бинарное и оппозиционное отношение к мужчине, служа укреплению гетеросексуальных отношений. Лесбиянка не имеет пола, она вне категории пола, более того, она ни женщина и не мужчина. Как известно, если женщиной не рождаются, а становятся, то можно стать третьим полом, отказавшись от гетеросексуальных отношений.

Таким образом, эти влиятельные идеологи лесбийского феминизма видели путь свободных женщин в кардинальном отказе от брака. Женщина может утвердить себя как независимый субъект истории, отказавшись от отношений, в которых она есть предмет обмена между мужчинами, объект эксплуатации и их сексуального желания, а также источник присвоения продуктов труда, включая детей [3].

Джоан Скотт трактует гендер как сеть властных отношений. Она не первая связала пол с властью, до этого постмодернизм, прежде всего Фуко, подробно изложил эту точку зрения. Заслуга Скотт в том, что она кардинально обновила и обогатила концептуализацию гендера, предложив взамен и в противовес устаревшей дихотомии пол/гендер комплексное определение.

Исследовательница утверждает, что интересно отметить совпадение появления термина гендер с важным этимологическим переворотом на Западе, ознаменовавшим постнеклассическую науку, переход от научных к литературным парадигмам (перенос акцента с причины на значение) и споры между теми, кто утверждал прозрачность фактов и теми, кто настаивал, что вся реальность конструирует или конструируется. Как определяющий фактор общественных отношений, гендер включает в себя четыре взаимосвязанных элемента:

а) культурно приемлемые символы, пробуждающие множественные представления (Ева и Мария как символы женщины, а также свет и тьма, очищение и загрязнение, невиновность и греховность);

б) нормативные понятия, с помощью которых возможна интерпретация символов. Эти понятия выражаются в религиозных, образовательных, научных, правовых и политических учениях и, обычно, имеют форму бинарных противоположностей, однозначно относящихся к мужскому и женскому, мужественному и женственному;

в) понятия политика и отношения их к социальным институтам. Некоторые исследователи склонны признавать гендерные различия только в семье и домашнем хозяйстве. Однако они серьёзно проявляются также в экономике, на рынке труда, образовании и политике; г) самоидентификацию личности, то есть процесс личностного осознания принадлежности к тому или иному полу.

Джудит Лорбер интерпретировала гендер как социальный институт. Она, как полагают учёные, относится к наиболее ортодоксальным идеологам гендера. Лорбер пишет: «Неравное распределение власти, собственности и престижа между мужчинами и женщинами есть сегодня часть структуры современного общества. Подчинение женщин – это необходимая часть современного социального порядка не потому, что мужчины, естественно, превосходят или доминируют, (если бы это было так, они бы не подчиняли себе других мужчин) и не потому, что женщины рожают, (если бы это было так, ни одна мать никогда не могла бы быть лидером в своём обществе). Подчинение женщин существует потому, что гендер производит группу, которая может эксплуатироваться как работники, сексуальные партнёры, матери и воспитатели на рынке труда и в домашней сфере» [2].

Как известно, в человеке обычно предполагается постоянное и изменяющиеся в соответствии с его компонентами личности и физиологии. Действительная же комбинация генов и гениталий, пренатального, подросткового и взрослого гормонального влияния и репродуктивной способности может соответствовать гендерной идентичности, сексуальной ориентации, детородному статусу, гендерному дисплею структуре личности, трудовой и семейной роли. По Лорбер, последствия гендерного разделения таковы: эмоциональная сексуальная эксплуатация женщин, объективация женщин в культуре и обесценивание их роли мировыми религиями, рассмотрение женщин как невидимых объектов истории, юридическое оправдание мужского контроля над женским телом – патриархальный компонент гендерного неравенства – вот средства подчинения. Психологические инвестиции женщин в своих детей, стигматизация мужской и женской гомосексуальной любви и женской сексуальности вписывают гендерный порядок в личные характеристики мужчины и женщины и их идентичность. Привязывание женщин к детям и мужчинам эмоционально служит мужской потребности биологического наследования, эмоциональной поддержки и гетеросексуальных отношений. Будь то прямое давление, какограниченный доступ к контрацепции и абортам, или не прямое, пробуждающее женские качества воспитания и заботы и провозглашение неотделимости матерей от детей, в результате женщины копируются в структуру гендерного неравенства через «путы любви».

1. Виттиг М. *Прямое мышление и другие эссе. Перевод с англ. О. Липовской. М., "Идея-Пресс", 2002.- 108 с.*
2. Лорбер Д., Фарелл С. *Принципы гендерного конструирования // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. – СПб.: Дмитрий Буланов, 2000. – С. 187-193*
3. Rich A. *Of Woman Born Motherhood as Experience and Institution. London: Virago, 1977 – 312p.*